

B. Demiraj (Hrsg.). Wir sind die Deinen. Studien zur albanischen Sprache, Literatur und Kulturgeschichte, dem Gedenken an Martin Camaj (1925–1992) gewidmet. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. 598 S. (Albanische Forschungen 29)

В 1917 г. в своем обзоре истории изучения албанского языка крупнейший албанист первой половины XX века Норберт Йокль написал, что «албанский язык... остается до сих пор пасынком индосвропейского языкознания» [Jokl 1917: 109]. В 1972 г. во вступлении к очерку «Албанский язык», помещенному в один из томов серии «Современные направления в языкознании», Эрик Хэмп был вынужден констатировать, что и по прошествии пятидесяти пяти лет албанистика «все еще находится на той же самой позиции относительно других языков и специализаций, как ее определил Йокль...» [Hamp 1972: 1628]. Далее Хэмп перечисляет

то, чего недостает албанскому языкознанию: современных словарей разных типов, научного грамматического описания, серьезных исследований, посвященных отдельным аспектам албанской грамматической системы, подробных диалектных описаний и др. Со времени публикации работы Хэмпна прошло еще почти сорок лет. Прогресс в развитии албанистики налицо. За этот период¹ увидели свет два этимологи-

¹ О развитии албанистики в 70–80-е годы см. содержательный очерк Р. Кёдерича [Ködderitzsch 1994].

ческих словаря [B. Demiraj 1997a; Orel 1998]², описательная грамматика очень высокого научного уровня [Buchholz, Fiedler 1987], две исторические грамматики [Sh. Demiraj 1985; Orel 2000], несколько изданий толкового словаря албанского языка, многочисленные диалектные описания (подробную библиографию работ по лингвистической албанистике см. в [Bibliographie linguistique]). Ценнейшим вкладом в развитие албанской диалектологии стал опубликованный совсем недавно «Диалектологический атлас албанского языка» [Gjinari et al. 2007–2009]. И вместе с тем надо признать, что и сейчас утверждение Йокля – Хэмпла остается в основе своей верным. Несомненно, из «больших» индоевропейских языков албанский является одним из наименее изученных. Это отражается прежде всего в малом количестве работ, посвященных собственно албанской грамматике³. К сожалению, в данной рецензии нет возможности остановиться подробно на причинах возникновения такой ситуации, упомяну лишь пагубный отрыв от мировой лингвистической традиции, в котором лингвистика в Албании пребывала с окончания Второй мировой войны (а до этого времени она практически еще и не существовала) до самого начала 90-х годов⁴.

Следствием подобной ситуации является сохранение албанистикой до определенной степени – характера комплексной филологической дисциплины. Ярким образцом такого комплексного подхода к албанистике является и рецензируемый сборник.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о персонаже, которому посвящена книга. Это Мартин Цамай (1925–1992) – одна из крупнейших фигур албанской культуры и гуманитарной науки столетия. Во всех сферах своего чрезвычайно многогранного творчества Цамай представляет собой явление индивидуальное и даже уникальное, и вместе с тем и в его судьбе, и в самом типе устройства его творческой личности есть что-то глубоко ти-

пическое для албанской и, шире, балканской культуры.

Сын пастуха из Северной Албании Цамай успел получить хорошее первоначальное образование в знаменитой итальянской иезуитской гимназии в Шкодре. Надо заметить, что при всей широте репрессивных ударов установившегося в конце 1944 г. в Албании коммунистического режима именно католическое общество и католическая культура албанского севера стали объектом особенно яростного и последовательного уничтожения. В 1949 г. совсем еще молодому Мартину Цамаю удалось бежать в титовскую Югославию, уже переставшую быть другом и патроном Албании, но еще не повернувшуюся в сторону либерализации режима. Впрочем, и в 1949 г. он был несколько более либеральным, нежели в Албании. В Югославии Цамай учится в Белградском университете, завязывает тесные отношения с кругами албанской интеллигенции в Приштине и выпускает первые два сборника лирики. В 1956 г. Цамай переезжает в Рим, а в 1961 г. – в Мюнхен. В Баварии он проводит оставшуюся часть своей жизни в качестве преподавателя албанского языка, а затем руководителя кафедры албанской филологии. Самой своей жизнью Цамай как бы соединяет три разъединенные в силу исторических перипетий части албанской интеллигенции – культурные круги Албании, Косова и эмиграции.

Переходя к сфере творческих интересов Мартина Цамая, следует отметить прежде всего их чрезвычайную широту. Цамай является одним из выдающихся албанских поэтов и прозаиков второй половины двадцатого столетия, а для гегской (северноалбанской) языковой области, по всей видимости, крупнейшим. В то же время Цамай был серьезным лингвистом. В сферу его интересов входило в первую очередь описание итало-албанских диалектов (см. [Camaï 1971; 1972; 1977; 1991]) и исследование ранних памятников албанской письменности [Camaï 1960]. Цамай написал также монографию [Camaï 1966], посвященную албанскому именному словообразованию, которое он рассматривает прежде всего с исторической точки зрения (здесь представлен, в частности, подробный очерк развития в албанском индоевропейского аблаута). Кроме того, Цамай опубликовал два учебника албанского языка [Camaï 1969; 1984], второй из которых представляет собой уникальную попытку совместить изложение материала литературного албанского и основных албанских диалектов (гегского, тоскского и итало-албанского)⁵.

⁵ Албанский как совокупность диалектов делится на две основные части – гегскую

² Подробный многотомный этимологический словарь, над которым работал крупнейший албанский лингвист Э. Чабей, так и остался недописанным (см. [Çabej 1976–2006]).

³ Несколько лучше дело обстоит с использованием албанского материала в типологических исследованиях, особенно в том, что касается достаточно своеобразного устройства албанской именной группы (см. [Plank 1995; Kortjevskaja-Tamm 2003] и др.).

⁴ Нельзя не сказать в этой связи о тяжелом положении, в котором находились лингвисты Косова в 1980–1990-е годы.

Подобное сочетание литературной и филологической (в данном случае – лингвистической) деятельности было весьма характерно для албанских просветителей второй половины XIX – начала XX века, эпохи, которую в албанской историографии принято называть Национальным возрождением. Однако Цамай был все же человеком иного времени. Его литературное творчество представляет собой, пожалуй, самое яркое воплощение модернизма в современной албанской литературе. В своей научной работе Цамай смог преодолеть провинциальную узость, свойственную даже лучшим из немногочисленных лингвистических работ албанских филологов довоенного времени (лишь иногда в его исследованиях встречаются отдельные последствия своего рода лингвистического автодидактизма). В целом его научная деятельность развивалась на скрещении традиций классической индоевропеистики и европейского структурализма (понимаемого в самом широком смысле слова).

Рцензируемый сборник в полной мере отражает широту научных интересов Мартина Цамая. В нем представлено тридцать две статьи неравного объема (от 5 до 66 страниц) на английском, немецком, французском, итальянском и албанском языках (албаноязычные статьи снабжены английским или немецким резюме). Книга содержит пять разделов: «Библиография» (три статьи, посвященные научной, литературной и педагогической деятельности Цамая, а также список его работ), «Литературоведение» (четыре статьи), «Языкознание» (четырнадцать статей), «Филология и история албанской письменности» (три статьи), «Этнография и история культуры» (семь статей). Сборник вышел в серии «Албанские исследования» (основанной известным историком-балканистом Георгом Штадтмюллером в первой половине 1960-х годов, а сейчас руководимой Петером Бартлем) и представляет собой сс двадцать девятый том. Издателем тома является один из крупнейших современных балканистов Бардюль Демирай – автор уже упоминавшегося этимологического словаря, монографии об албанских числительных [B. Demiraj 1997b], издатель ряда важных памятников староалбанской письменности.

(северноалбанскую) и тоскскую (южноалбанскую). Современный албанский литературный язык базируется в целом на тоскских диалектах, но с ограниченным включением некоторых гегских элементов. Итало-албанские диалекты представляют собой филиацию тоскских, но демонстрируют особое диалектное развитие (албанцы переселялись в Южную Италию в основном в XV–XVI веках).

В дальнейшем изложении я буду касаться лишь работ, непосредственно посвященных лингвистической проблематике либо имеющих к ней прямое отношение.

Как и весь сборник в целом, лингвистический его раздел отражает, с одной стороны, научные интересы Цамая, а с другой – саму структуру современной албанистики. Центральное место занимают статьи, которые разрабатывают диалектологическо-историческую проблематику, понимаемую в самом широком смысле – от описания современного состояния отдельных албанских диалектов до компаративистских исследований. Для албанского – языка со сравнительно поздней письменной традицией (начинающейся с XV века) и не имеющего близких «генетических» родственников – диалектология является зачастую единственным ключом к восстановлению языковой истории. Албанский диалектный материал крайне важен и для балканского языкознания в целом.

Невзирая на значительный прогресс албанской диалектологии, албанский диалектный ландшафт как в том, что касается основного албаноязычного ареала, так и в плане изучения разнообразных и интересных диалектов албанской диаспоры – отнюдь не может считаться полностью описанным. Выполненные в Албании в основном в 1960–1980-е годы диалектологические описания с точки зрения современного языкознания являются достаточно устаревшими.

Ряд диалектологических статей сборника посвящены описанию конкретных говоров. Статья Дж. Блушо и М. Дженесин «Тет и его говор. Лингвистические и культурологические наблюдения на основе полевого исследования» («Thethi e la sua parlata. Osservazioni di carattere linguistico e culturale dopo un'indagine sul campo», с. 140–198) представляет собой тщательное описание говора горного села Тет (Theth), расположенного на крайнем севере Албании. В статье содержится интересное этнографическое введение, раздел, в котором на основании анализа данных «Албанского диалектологического атласа» утверждается принадлежность рассматриваемого говора к северозападногегскому диалектному типу (при наличии и некоторых северовостоноггских диалектных черт, в частности специфических форм имперфекта), транскрипция текстов, записанных от одного информанта, подробный анализ фонетического строя говора (с использованием инструментального анализа) и более краткий обзор некоторых важных морфосинтаксических черт. Из наблюдений, существенных для реконструкции албанской языковой истории, отметим зафиксированный в тексте единичный случай употребления формы ло-

катива. Современная диалектологическая литература и, в частности, «Атлас» фиксируют северную границу распространения этой формы значительно южнее. Таким образом, мы можем увидеть в приведенном материале подтверждение идеи об имевшем место ранее более широком и, возможно, общеалбанском – распространении этой формы. Весьма ценна и представляет самостоятельный интерес завершающая статью библиография, посвященная «крайнему» северу Албании и включающая не только лингвистическую, но и историческую, этнографическую и даже ботаническую и геологическую литературу.

В статье Л. Юсуфи «Центральногегский языковой остров в тоскском языковом ареале вблизи Манастира» («Eine zentralgegische Sprachinsel im toskischen Sprachareal von Manastir», с. 282–300) рассматривается говор села Острец (Ostrec), расположенного к югу от македонского города Битоля (Манастир). Албанские говоры северо-западной части Македонии относятся к гегской части основного албаноязычного ареала, в юго-западной Македонии распространены тоскские говоры. Таким образом, диалект рассматриваемого села представляет собой яркий образец переселенческого говора. В статье достаточно подробно анализируются фонетические особенности говора (в частности, свойственные среднегегской диалектной зоне дифтонгизации). Морфосинтаксис не рассматривается, но из приведенного в приложении текста (251 фраза в транскрипции) можно получить определенное представление и о некоторых грамматических особенностях говора.

Л.Н. Каминская в статье «Некоторые особенности фонологической системы албанского говора села Георгиевка (Украина)» («Disa veçori të sistemit fonologjik të së folmes shqipe të fshatit Gjeorgjevka (Ukrainë)», с. 312–324) отмечает, в частности, те моменты в фонетике периферийного албанского говора, которые существенны для реконструкции албанской диалектной истории. Принадлежа «генетически» к севернотоскской диалектной зоне, этот идиом демонстрирует некоторые черты, отсутствующие в «исходном» регионе (например, смещение согласных /d/ и /t/, монофтонгизацию дифтонгов), но сближающие его, с одной стороны, с гегскими, а с другой – с южнотоскскими (ляберийскими и чамерийскими) говорами. Это может служить косвенным подтверждением высказанному в свое время А.В. Десницкой предположению о том, что особенности севернотоскского, отделяющие его от гегского, с одной стороны, и ляберийского и чамерийского – с другой, могут быть объяснены массовым переходом на албанский славян (а возможно,

и арумын. А. Р.), проживавших на севернотоскских территориях [Десницкая 1976]. Говоры, предки носителей которых покинули этот ареал до того, как произошел переход, продолжали развивать некоторые общеалбанские фонетические тенденции, тогда как в собственно севернотоскской зоне произошла их консервация, обусловленная языковым сдвигом.

В своей статье «Самоназвание албанцев Украины и некоторые особенности их этнического самосознания» («Etnonimi i shqiptarëve të Ukrainës dhe disa veçori të vetëdijes së tyre etnike», с. 580–585) А. Новик на основании анализа этого самоназвания (nga tanët, букв. 'из наших') подтверждает предположение о том, что предки украинских албанцев покинули основной албаноязычный ареал до XVIII в., т. е. до повсеместного распространения современного обозначения албанцев shqipëtar. Отнюдь не опровергая этот тезис, хочу отметить, что, согласно традиционным представлениям, миграция предков албанцев Украины с территории их «первоначального» проживания должна была произойти значительно раньше, в XV или XVI веках, то есть еще в эпоху распространения старого албанского этнонима, образованного от корня *arb-*. Вообще говоря, потеря старых этнонимов и замена их новыми у носителей островных диалектов – явление весьма обычное.

Тема языковых контактов так или иначе затрагивается и в трех следующих публикациях.

Классик албанского языкознания III. Демирай в статье «Нарта» («Narta», с. 566–573), привлекая разнообразные исторические источники (прежде всего материалы османских переписей, относящиеся к XVI веку), пытается восстановить этническую историю одноименного грекофонного села в Южной Албании. Антропонимические материалы, демонстрирующие как греческие, так и албанские имена, свидетельствуют о чрезвычайно длительной истории албанско-греческих языковых и этнических контактов в этом регионе.

Небольшая заметка В. Фридмана «Адмиративность и модальность в албанско-македонских языковых контактах» («Admirativity and modality in Albanian-Macedonian language contact», с. 277–281) добавляет новые штрихи к его исследованиям эвиденциальности на Балканах. В албанских диалектах Македонии в выражениях со значением «будь то X, будь то Y», «или X, или Y» вместо третьего лица опатива бытийного глагола (*qoftë...*, *qoftë...*), как в других албанских диалектах, употребляется третье лицо адмиратива того же глагола (*qenka...*, *qenka...*). Фридман остроумно объясняет это нестандартное развитие македонским влиянием: в македонском «перфектные» формы на -t

употребляются как в оптативной, так и в адмиративной функции. При этом в албанском адмиративные формы значительно более распространены, нежели реликтовые оптативные. Соответственно, отождествление адмиративных албанских форм с македонскими л-формами приводит к вытеснению оптатива из данной конструкции.

В статье Э. Прифти «Некоторые предварительные замечания об албанских языковых элементах в итальянских диалектах» («*Alcuni cenni sugli elementi albanesi nei dialetti italiani*», с. 375–383) делается попытка классифицировать сравнительно немногочисленные албанизмы, вошедшие в итальянские диалекты. Выделяются а) лексемы, вошедшие в отдельные итальянские диалекты из уже не существующих албанских говоров, подвергшихся языковому сдвигу; б) слова, вошедшие в отдельные итальянские диалекты из албанских говоров, находящихся с ними в непосредственном контакте, и в) албанизмы, получившие более широкое, междиалектное распространение.

К диалектологическим работам примыкает публикация В. Броя и Э. Глазера «Голоса прошлого: старейшие албанские звукозаписи 1907, 1914 и 1918 годов из венских и берлинских архивов» («*Stimmen der Vergangenheit: Die ältesten albanischen Tonaufzeichnungen von 1907, 1914 und 1918 aus Wiener und Berliner Archiven*», с. 199–230). Статья содержит транскрипции и первичный лингвистический анализ первых образцов звукозаписи албанской речи. Первый из них (длительностью около трех минут) был записан в 1907 г. Миланом Ренштаром в Молизе (Италия), второй – Норбертом Йоклем в 1914 г. в Вене (около пяти минут, этот текст доступен в звуковом виде и приблизительной транскрипции на сайте известного специалиста по албанской литературе и переводчика Роберта Элси: <http://www.albanianlanguage.net/en/jokl.html>), причем информантом выступал албанец из Западной Македонии (в записи отражается такая характерная особенность среднегегских говоров, как дифтонгизация *i*). Обе записи хранятся в Венском Фонограм-архиве. Третья группа записей (около 12 минут) была сделана в рамках работы Прусской фонографической комиссии, осуществлявшей во время Первой мировой войны запись образцов речи военнопленных, содержащихся в немецких лагерях. В их числе были записаны голоса пленных итало-албанцев (также из Молизе). В отличие от первых двух текстов, транскрибированных в статье полностью, из этой группы записей приводится лишь небольшой отрывок.

Следующая группа статей объединяет работы, в которых на основании анализа диалектного материала и материала ранних письмен-

ных памятников рассматриваются конкретные проблемы албанской языковой истории.

Ф. Альтимари в статье «Следы старого инфинитива в итало-албанском» («*Traces d'infinitifs anciens dans l'albanais d'Italie*», с. 127–139) обращается к одному из интереснейших вопросов албанской языковой истории, существенному для балканистики в целом, – проблеме албанского инфинитива. Как известно, в гегской языковой зоне имеется аналитическая глагольная форма типа *te bë* 'делать', этимологически представляющая собой сочетание предлога со значением 'с' с причастием и употребляющаяся в инфинитивной функции (хотя в гегских говорах и идет перманентный процесс ее вытеснения финитной «конъюнктивной» конструкцией). В тоскских диалектах форма, аналогичная гегскому «инфинитиву», отсутствует, что является одним из аргументов в пользу приписывания тоскским диалектам более «балканизированного» характера по сравнению с гегскими. Вопрос, вызывающий многочисленные споры, заключается в том, присутствовал ли когда-нибудь инфинитив гегского типа и в тоскских диалектах (см. [Габинский 1970; 2008; Joseph 1983] и др.). Важную роль для решения этого вопроса должны иметь итало-албанские диалекты: оторвавшиеся от основного албаноязычного ареала не позже XV столетия тоскские по своему происхождению «арбрешские» диалекты Италии могут демонстрировать архаичные черты, не сохранившиеся в «материковых» тоскских диалектах, подвергавшихся массивной балканизации со стороны окружающих языков (греческого, арумынского и македонского). Основную часть статьи Альтимари составляет обзор употребления в старых арбрешских текстах XVI–XVIII веков форм, параллельных гегскому инфинитиву. От подобных списков, приведенных в работах М.А. Габинского ([Габинский 1970: 58–59], см. также [Габинский 2008: 231; Sh. Demiraj 1985: 96]), работу Альтимари отличает ограничение строгим хронологическим диапазоном и использование последних филологически выверенных изданий. Как представляется, приведенный материал действительно является дополнительным аргументом в пользу гипотезы об общепалканском характере «гегского» инфинитива⁶. Интересно, что в тек-

⁶ Надо отметить все же, что приводимые примеры инфинитива гегского типа в арбрешских текстах достаточно немногочисленны (к сожалению, в статье отсутствуют данные о количественном соотношении инфинитива и конъюнктива в исследованных памятниках), а в ряде памятников (прежде всего в старейшем из них «Катехизисе» Л. Матранги 1592 г.) от-

стах старых арбрешских памятников (а также в некоторых арбрешских говорах) присутствует и контаминированная инфинитивная конструкция типа *për të punue* 'работать' ('для' + 'с' + инфинитив), представленная в настоящее время в ряде северо-восточных гегских говоров [Gjinari et al. I: карта 319].

Статья С. Мансаку «К типологии и хронологии форм будущего времени в албанском» («Sur la typologie et la chronologie des formes du futur en albanais», с. 330–355) посвящена еще одному известному албанскому грамматическому балканизму – образованию будущего времени. В статье приводится подробный обзор форм будущего времени, зафиксированных в албанском на протяжении его доступной языковой истории (употребление конъюнктива в функции футурума и различные более или менее грамматикализованные конструкции, использующие в качестве служебного элемента формы глаголов обладания или желания). Для балканистики наибольший интерес представляют проблемы, связанные с возникновением и распространением де-волитивного футурума. Традиционно считается, что будущее де-волитивного типа *do të shkruaj* 'буду писать' (FUT CONJ писать.IS.PRES) является (наряду с отсутствием инфинитива) одним из тех балканизмов, наличие которых отличает тоскский от гегского и делает первый более балканским. Исторически это, по всей видимости, действительно так. Надо отметить, однако, что распространение формы будущего времени, образованной с помощью частицы *do*, было мощной инновацией, идущей из тоскской области и достаточно рано захватившей южногегские, а затем и северногегские диалекты (см., например [Жугра 1976]).

А. Омари в своей статье «Архаические черты языка Богдани: явления, общие с южными диалектами» («Tirane arkaike në gjuhën e Bogdanit: përkime me të folmet e Jugut», с. 356–374) проводит подробный лингвистический анализ одного из наиболее значительных памятников албанского языка XVI столетия – теологического трактата «Отряд пророков» албанского епископа Пьетера Богдани. Следует отметить, что исследовательница подготовила и последнее научное издание этого текста. Богдани происходил из области Хас, зоны распространения современных северо-восточных гегских говоров, некоторые особенности которых находят свое отражение в его языке.

существуют вовсе. Таким образом, распространенная идея о том, что инфинитивные формы в арбрешских литературных текстах могут быть вторичными «гегизмами», не может быть полностью отброшена.

Чрезвычайно интересны приводимые исследовательницей параллели между языком Богдани и южноалбанскими (прежде всего ляберийскими и чамерийскими) говорами. Большая часть этих совпадений – архаизмы, что подтверждает, с одной стороны, представления о большом единстве албанского языка в XVI веке, а с другой – о сохранении многочисленных архаизмов в Ляберии и Чамерии. При этом А. Омари отмечает и ряд инноваций, что еще раз подтверждает высказанные выше (в связи со статьей Л.Н. Каминской) соображения об особом пути развития севернотоскских говоров, эти инновации не разделяющих.

Небольшая статья К. Тоналы «Время возникновения албанских артиклей» («The age of Albanian articles», с. 384–388) содержит ряд аргументов, подтверждающих представления о том, что агглютинация постпозитивного определенного артикля должна была произойти в период «контактов албанского с латинским языком, не раньше IV, но не позже VI века н. э.».

Две работы посвящены более частным историческим проблемам. М. де Фаан в заметке «Староалбанские *krautyrë* и *nautyrë*» («Old Albanian *krautyrë* and *nautyrë*», с. 231–237) рассматривает два албанских романизма (означающие, соответственно, 'создание' и 'природа'), звуковая форма которых демонстрирует в ряде албанских памятников определенные отклонения от закономерного развития. Автор доказывает, что оба слова являются не латинизмами, а заимствованиями из далматинского (или из венецианского диалекта). Наличие дифтонга в первом слове остается, впрочем, не вполне проясненным.

Статья Р. Кёдерича «*Iuppiter Menzanas*» (с. 325–329) посвящена знаменитому мессапскому «конскому» божеству, имя которого имеет параллели, в частности, в алб. *mëz*, *mâz* 'жеребенок'. В статье подробно рассматриваются этимологические связи этого палеобалканского слова (засвидетельствованного и во фракийских памятниках), имеющего, вероятно, параллели в кельтских языках (а отсюда заимствованного в латинский). В культурно-историческом плане автор, анализируя особенности ландшафта Балкан и связанных с ним способов хозяйствования, приходит к выводу о том, что первоначально этимон обозначал небольшую лошадь и что «*Menzanas* был изначально не "богом жеребят", а "богом небольших балканских лошадок"» (с. 329). Говоря о том, что в албанском практически не отражаются следы культа лошади, автор – в качестве возможного реликта данного культа – приводит албанскую народную сказку «Шамакадия», в которой младшая дочь короля выходит замуж за коня,

наделенного магической силой. Однако, как представляется, для того чтобы делать определенные выводы в этом направлении, необходимо сравнить албанскую сказку со сказками других народов, в которых также представлен встречающийся в восточном фольклоре мотив бракосочетания с конем (в частности, имеется турецкая сказка с подобным началом).

Самая большая по объему работа, опубликованная в рецензируемом сборнике, имеет общефилологическую направленность, однако содержит и ценный лингвистический материал. Статья Й. Матцингера «Албанский язык в эпоху Скандербегга, часть 2: Письменная передача албанского с особым вниманием к Паулюсу Ангелусу и Гьону Бузуку» («Die albanische Sprache im Zeitalter Skanderbegs, Teil 2: Verschriftung des Albanischen mit Schwerpunkt auf Paulus Angelus und Gjon Buzuku», с. 421–486) представляет собой вторую часть монографии, посвященной самой ранней засвидетельствованной стадии истории албанского языка – языку памятников XV–XVI вв. Основное внимание автор уделяет графическим особенностям двух первых памятников албанского языка – совсем краткой формулы крещения епископа Паулюса Ангелуса (1462) и монументального «Служебника» Гьона Бузука (1555). Чрезвычайно интересны соображения о месте печатания «Служебника»: Матцингер доказывает, что это могла быть только Венеция. Из попутных, но весьма важных лингвистических замечаний следует отметить новое толкование одного из двух случаев употребления в тексте Бузука аналитической глагольной формы с частицей *do* как риторического вопроса, а не как футуральной формы: *A nukë do të pi kelqinë qi më ordhenoi ati* (Евангелие от Иоанна, 18: 11). Матцингер убедительно показывает, что в до-тридентской версии латинского оригинала «Служебника» (которой мог и должен был пользоваться Гьон Бузук) стоит: *Calicem quem dedit michi pater, non uis ut bibam illum*. Таким образом, албанский текст значит: «Не хочешь ли, чтобы я выпил чашу, что дал мне отец». В предшествующей албанистической традиции этот текст Бузука сопоставляли с «канонической» версией Вульгаты-Клементины (1592): *Calicem qui dedit mihi pater non bibam illum*. Соответственно, текст Бузука переводился как: «Чашу, что дал мне отец, (неужели) не выпью» (об этом месте см. также [Жугра 1976: 229]). Вышеприведенное суждение Матцингера хотя и не решает полностью вопрос о присутствии или отсутствии в тексте Бузука футуральных форм «тоскского» типа (у Бузука имеется еще один пример, который можно интерпретировать как содержащий подобную форму, см. [Fiedler 2004: 532]),

вносит чрезвычайно важное дополнение в эту дискуссию.

Филологический – в широком смысле слова – характер имеет и статья редактора сборника Б. Демирая «Shqiptar – генерализация этнонима в XVIII столетии» («Shqiptar – The generalization of this ethnic name in the XVIII century», с. 533–565). В ней в широком историческом контексте рассматривается процесс замены старого албанского этнонима новым (см. выше раздел о статье А. Новика). По всей вероятности, процесс смены этнонима был связан с глубокими изменениями, произошедшими в албанском этносе в период османского господства (т. е. со второй половины XV столетия): многочисленными миграциями, глубокими социальными сдвигами (в частности, усилением клановой структуры в северной Албании), исламизацией значительной части албанского населения и «ориентализацией» культурной жизни. Как результат этих изменений мы можем констатировать своего рода «фрагментаризацию» албанского этноса, представлявшего в этот период набор разнообразных (этно-)социальных групп с различной – прежде всего религиозной – самоидентификацией. Появление нового этнонима *shqiptar* (< *shqiptoj* ‘говорить ясно’, ранее ‘понимать’) реакция на подобную фрагментаризацию (см. [B. Demiraj 2010]).

Две статьи сборника посвящены статусу и будущему албанского литературного языка – вопросу, привлекающему обостренное внимание албанских и косовских лингвистов в период после падения коммунистической диктатуры. Как и во многих странах Юго-Восточной Европы, в Албании вопрос о диалектной базе литературного языка имеет очень сильную идеологическую и политическую составляющую. После прихода к власти в 1944 г. коммунистическое правительство Албании стало уделять большое внимание вопросам языковой политики. Главным шагом на пути разработки этой политики стало решение о развитии литературного языка на южноалбанской – тоскской – диалектной базе, хотя и с включением некоторых гегских элементов, лексических и, в меньшей степени, грамматических⁷. У перехода на тоскскую норму было много причин, некоторые из которых имели выраженный политический характер: коммунисты в основном опирались на юг Албании; на севере, особенно

⁷ До 1944 г. «официальной» базой литературного языка был южногегский говор города Эльбасана, но широко использовались и другие разновидности относительно кодифицированной письменной речи – тоскская и северногегская.

в Шкодре, были сосредоточены пользующиеся авторитетом идеологические силы, крайне враждебно относившиеся к новой власти, прежде всего католическое духовенство, игравшее большую роль в культурном развитии Албании в период между мировыми войнами. Но были и весомые лингвистические причины: определенные языковые компоненты тоскского диалекта устроены проще, чем соответствующие компоненты гегского. В тоскском (по крайней мере в большинстве его говоров) отсутствуют характерные для гегского противопоставления гласных по долготе и назализации, система глагольных времен в тоскском устроена проще, чем в гегском, и т. д. Начиная со второй половины 60-х годов гегские тексты (за исключением произведений писателей-классиков предшествующей эпохи и записей фольклора) перестали печататься.

Особая ситуация имела место в Косове. В первые послевоенные десятилетия там использовалась литературная норма, практически идентичная южногегской официальной норме, принятой до войны в Албании, и достаточно сильно отличающаяся от реальных восточногегских косовских диалектов. Такая ситуация поощрялась в те годы югославскими властями, стремившимися оторвать косовских албанцев от их собратьев из «титulyного» государства. Впоследствии в короткий период либерализации (с 1966 по 1981 год) в качестве официальной языковой нормы была принята форма литературного языка, используемая в Албании. Она отстояла еще дальше от косовской языковой реальности, зато служила своего рода мостом через пропасть, разделявшую в то время косоваров и албанцев Албании.

После падения коммунизма в Албании и эмансипации Косова положение изменилось. Северноалбанские интеллектуалы стали говорить о необходимости пересмотра статуса албанского языка и развитии параллельно с ним гегского литературного стандарта. Аналогичные идеи бытуют и в Косове. Спектр высказываемых мнений и предложений очень широк.

В статье «Вопрос о литературном албанском языке в 2009 году» («The question of Standard Albanian in 2009», с. 391–420) Џ. Дерхеми, опираясь на современные работы по социолингвистике и языковому планированию, рассматривает проблему современного положения литературного языка в Албании и Косове. Основной вывод автора заключается в том, что несмотря на то, что современный литературный язык является «лингвистическим и политическим продуктом, относящимся к коммунистической фазе истории Албании» (с. 415), он, тем не менее, представляет собой

«единственный общий функциональный язык, обслуживающий всех албанцев» (там же). Как таковой он нуждается не в замене, а в поддержке и развитии.

Заметка Р. Мемушая «Балканы: две модели языковой политики» («Ballkani: dy modele politikash gjuhësore», с. 487–495) носит несколько политизированный характер. Первая модель языковой политики, по мнению автора, характерна для славянских стран Балканского полуострова, где, как он пишет, «работали раньше и еще более ожесточенно работают сейчас над созданием барьеров между народами одного и того же происхождения» (с. 495), имеется в виду, с одной стороны, ситуация с образованием болгарского и македонского литературных языков, а с другой – современное положение с литературными языками в республиках бывшей Югославии. Напротив, в Румынии, Греции (несмотря на сложную диглоссийную ситуацию) и Албании господствует тенденция к созданию единой языковой нормы. Языковую политику, связанную с первой ситуацией, автор оценивает как «контрпродуктивную и регрессивную» (с. 495). Следует заметить, однако, что во всех упомянутых случаях языковая политика лишь следует (возможно, иногда слишком слепо и рьяно) за политикой в собственном смысле слова.

Наконец, в сборнике напечатаны две статьи, рассматривающие албанский с синхронной точки зрения.

Автором первой из них, «Аблатив у Мартина Цамая» («Der Ablativ bei Martin Camaj», с. 238–276), является соавтор упоминавшейся выше превосходной грамматики современного албанского языка В. Фидлер. *Raison d'être* этой статьи многочисленные сложности, возникающие у исследователей при попытках последовательного и непротиворечивого описания албанской падежной системы, которая демонстрирует практически все виды проблем, которые могут быть присущи флективному языку: наличие «слабодифференцированных» (по терминологии А.А. Зализняка) падежных граммем, разные конфигурации кумуляции грамматических категорий для разных падежных словоформ, наличие в парадигме как чисто синтетических, так и аналитических форм (по крайней мере при некоторых подходах к описанию этой системы). Одним из падежей, статус которого вызывает трудности при грамматическом описании, является аблатив. Будучи не так давно (такое положение фиксируется еще в первых албанских письменных памятниках) полноценным падежом, аблатив демонстрировал в последующий период тенденцию к слиянию с генитивом-дателью (см. об этом [Boretzky 2000]). В настоящее время формаль-

но дифференцировать аблатив позволяет лишь особое окончание, факультативно употребляющееся в составе аблативной формы множественного числа неопределенного склонения. Статья Фидлера состоит из трех больших разделов. В первом анализируются теоретические взгляды Цамая на формальные особенности и функционирование аблатива, высказанные им в его «Албанской грамматике» [Camaj 1984]. Второй раздел содержит анализ употребления аблативных форм в одном из произведений самого Цамая – романе «Карпа». Оказывается, что спектр этих употреблений значительно шире, чем это предписывается «Албанской грамматикой». Третий наиболее интересный раздел содержит взгляды Фидлера на устройство албанской падежной парадигмы вообще и на место в ней аблатива в частности. Фидлер разрабатывает особую процедуру, согласно которой статус падежа (или «падежного варианта»); разница между этими понятиями выражена в статье недостаточно эксплицитно) определяется с помощью многошагового алгоритма, в котором учитываются как формальные моменты (наличие специальных окончаний), так и синтаксическая роль, которую может играть та или иная падежная форма (прежде всего ее способность употребляться в атрибутивных конструкциях и маркироваться при глаголе с помощью клитических местоименных элементов). В результате на выходе мы имеем падежную систему, состоящую из двенадцати членов (Glieder), четыре из которых соответствуют аблативу традиционной грамматики⁸. В данной рецензии не представляется возможным заняться подробным анализом идей Фидлера. Замечу только, что в целом его подход не кажется удачным: некоторые из выделяемых им «членов» падежной системы формально-морфологически вообще не отличаются друг от друга, что, как кажется, подрывает представления об устройстве морфологической категории.

Б. Кабаши в статье «Некоторые замечания о романе “Круги” Мартина Цамая» («Einige Notizen über den Roman *Rrathë* von Martin Camaj», с. 301–311) приводит результаты статистической обработки текста самого значительного романа Мартина Цамая. Даны сведения о частотности словоформ (token frequency и type frequency) в зависимости от их длины в графемах, а также о частотном распределении

предложений в зависимости от их длины в словоформах.

Итак, можно констатировать, что рецензируемый сборник достаточно полно отражает современное состояние албанистики как лингвистической дисциплины. По-прежнему это наука, в большей степени ориентирующаяся на историческое изучение языка, нежели на его синхронное или типологически ориентированное описание.

Практически все опубликованные работы представляют читателю либо новый, неизвестный до этого науке материал, либо свежие и оригинальные научные интерпретации (а иногда и то и другое). Ряд статей, напечатанных в рецензируемом томе, значительно продвигают соответствующие исследовательские области. Я имею в виду в первую очередь работы Й. Матцингера и Б. Демирая. Вне всякого сомнения, мимо этого сборника не сможет пройти ни один исследователь, занимающийся албанистическими или – шире – балканистическими проблемами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Габинский 1970 – М.А. Габинский. Появление и утрата первичного албанского инфинитива. Л., 1970.
- Габинский 2008 – М.А. Габинский. Балканский инфинитив очередной этап дискуссии. Антикритический обзор. Кишинев, 2008.
- Десницкая 1976 – А.В. Десницкая. Эволюция диалектной системы в условиях этнического смешения (из истории славяно-албанских языковых контактов) // В.Д. Королюк (ред.). Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- Жугра 1976 – А.В. Жугра. О происхождении албанского футурума тоскского типа // А.В. Десницкая (отв. ред.). Грамматический строй балканских языков. Л., 1976.
- Bibliographie linguistique Bibliographie linguistique. Leiden, 1949.
- Boretzky 2000 – N. Boretzky. Natürlicher morphologischer Wandel: Der Rückzug des Ablativ im Albanischen // A. Bittner et al. (Hrsg.). Angemessene Strukturen: Systemorganisation in Phonologie, Morphologie und Syntax. Hildesheim, 2000.
- Buchholz, Fiedler 1986 – O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig, 1976.
- Camaj 1960 – M. Camaj. Il «Missale di Gjon Buzuku». Contributti linguistici allo studio della genesi. Roma, 1960.
- Camaj 1966 – M. Camaj. Albanische Wortbildung. Die Bildungsweise der älteren Nomina.

⁸ Фидлер иллюстрирует свою теорию с помощью таблицы, которая, к сожалению, является практически нечитаемой по полиграфическим причинам. Публикация [Fiedler 2008], где автор более подробно излагает свои взгляды, написана по-албански.

- Wiesbaden, 1966. (Albanische Forschungen 6.)
- Camaj 1969 – *M. Camaj*. Lehrbuch der albanischen Sprache. Wiesbaden, 1969.
- Camaj 1971 – *M. Camaj*. La parlata albanese di Greci in provincia di Avellino. Firenze, 1971.
- Camaj 1972 – *M. Camaj*. Racconti popolari di Greci (Katundi) in provincia di Avellino e di Barile (Barili) in provincia di Potenza. Roma, 1972.
- Camaj 1977 – *M. Camaj*. Die albanische Mundart von Falconara albanese in der Provinz Cosenza. München, 1977. (Albanische Forschungen 16.)
- Camaj 1984 – *M. Camaj*. Albanian grammar with exercises, chrestomathy and glossaries. Collaborated on and translated by Leonard Fox. Wiesbaden, 1984.
- Camaj 1991 – *M. Camaj*. La parlata arbëreshe di San Costantino Albanese in provincia di Potenza. Rende, 1991.
- Çabej 1976 2006 – *E. Çabej*. Studime etimologjike në fushë të shqipes. V. 1–4, 6 7. Tiranë, 1976 2006.
- B. Demiraj 1997a – *B. Demiraj*. Albanische Etymologien: Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz. Amsterdam; Atlanta, 1997. (Leiden studies in Indo-European 7.)
- B. Demiraj 1997b – *B. Demiraj*. Sistemi i numërimit të gjuhës shqipe: Vështrim diakronik. Tiranë, 1997.
- B. Demiraj 2010 – *B. Demiraj*. Albanian – Shqiptar. Tiranë, 2010.
- Sh. Demiraj 1985 – *Sh. Demiraj*. Gramatikë historike e gjuhës shqipe. Tiranë, 1985.
- Fiedler 2004 – *W. Fiedler*. Das albanische Verbalsystem in der Sprache des Gjon Buzuku (1555). Prishtinë, 2004.
- Fiedler 2008 – *W. Fiedler*. Disa mendime rreth sistemit rasor të gjuhës shqipe // Studime filologjike shqiptare. Prishtinë, 2008.
- Gjinari et al. 2007 2009 – *J. Gjinari, B. Beci, Gj. Shkurtaj, Xh. Gosturani*. Atlasi dialektologjik i gjuhës shqipe. V. I, II. Napoli, 2007 2009.
- Hamp 1972 – *E. Hamp*. Albanian // Th.A. Sebeok (ed.). Current trends in linguistics. V. 9. Linguistics in Western Europe. The Hague, 1972.
- Jokl 1917 – *N. Jokl*. Albanish // W. Streitberg (Hrsg.). Geschichte der indogermanischen Sprachwissenschaft II. Bd. 3. Strassburg, 1917.
- Joseph 1983 – *B. Joseph*. The synchrony and diachrony of the Balkan infinitive: A study in areal, general, and historical linguistics. Cambridge, 1983.
- Ködderitzsch 1994 – *R. Ködderitzsch*. Albanische Forschungen (speziell ab 1968) // Kratylós. 1994. Bd. 39.
- Koptjevskaja-Tamm 2003 – *M. Koptjevskaja-Tamm*. Possessive noun phrases in the languages of Europe // F. Plank (ed.). Noun phrase structure in the languages of Europe. Berlin, 2003.
- Orel 1998 – *V. Orel*. Albanian etymological dictionary. Leiden, 1998.
- Orel 2000 – *V. Orel*. A concise historical grammar of the Albanian language: Reconstruction of Proto-Albanian. Leiden, 2000.
- Plank 1995 – *F. Plank*. Double case. Agreement by Suffixaufnahme. Oxford, 1995.

A.Ю. Русаков

Сведения об авторе:

Александр Юрьевич Русаков
СПбГУ / ИЛИ РАН
ayurusakov@gmail.com